

ТЫНЯНОВСКИЙ СБОРНИК

Девять
Тыняновские чтения

ТЫНЯНОВСКИЙ сборник

Когда я перечитал свои статьи,
все статьи, здесь перечитал,
я увидел, что тогда было

Ю. Тынянов

Знание — знание,
а сознание — сознание

Ю. Тынянов

С. 44—57. См. также: *Baehr Stephen*. The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia: Utopian Patterns in Early Secular Russian Literature and Culture. Stanford: Stanford University Press, 1991. P. 81—84.

⁴⁷ *Baehr Stephen*. The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia. P. 65.

⁴⁸ *Херасков Михаил*. Творения. Т. 7. М., [б.д.]. С. 66.

⁴⁹ Там же. С. 84.

⁵⁰ An English Lady at the Court of Catherine the Great. The Journal of Baroness Elizabeth Dimsdale, 1781 / Ed. A.G. Cross. Cambridge: Crest Publications, 1989. P. 71.

⁵¹ *Prince de Ligne*. Coup d'Œil at Beloeil. P. 171.

⁵² Домашний быт императрицы Екатерины II // Ежемесячные литературные приложения к журналу «Нива». 1900. Сент. — дек. С. 100—102.

⁵³ См.: *Cross Anthony*. By the Banks of the Neva. P. 273; Engraved in the Memory. James Walker, Engraver to the Empress Catherine the Great, and His Russian Anecdotes / Ed. by Anthony Cross. Oxford: Berg, 1993. P. 79—80.

⁵⁴ *Погосян Е. А.* Сад как политический символ. С. 48.

⁵⁵ СИРИО. Т. 23. С. 540.

⁵⁶ О политических коннотациях панорамного видения см.: *Barrell John*. The Public Prospect and the Private View // The Birth of Pandora and the Division of Knowledge. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1992. P. 41—61.

⁵⁷ О сходствах, которые Екатерина усматривала между Петербургом и Константинополем как столицами, см.: *Погосян Е. А.* От старой Ладого до Екатеринослава (место Москвы в представлении Екатерины II о столице империи) // Лотмановский сборник. 1997. Т. 2. С. 511—522.

⁵⁸ СИРИО. Т. 23. С. 547.

⁵⁹ Написано 24 августа 1778 г. Там же. С. 99.

⁶⁰ Там же. С. 61.

⁶¹ *Barthes Roland*. Le dernier des écrivains heureux // *Voltaire*. Romans et contes. Paris: Folio Gallimard, 1972. P. 16—17.

⁶² *Voltaire*. Romans et contes. P. 234.

⁶³ О рецепции Вольтера см.: *Забарова П. Р.* Русская литература и Вольтер: XVIII — первая треть XIX века. Л.: Наука, 1978.

⁶⁴ *Voltaire*. Romans et contes. P. 180.

⁶⁵ СИРИО. Т. 23. С. 105.

⁶⁶ *Тредиаковский В. К.* Избранные произведения. М.; Л.: Советский писатель, 1963. С. 362.

⁶⁷ Documents of Catherine the Great / Ed. by W.F. Reddaway. P. 6.

⁶⁸ См.: *Wortman Richard S.* Scenarios of Power. P. 111—120.

⁶⁹ См.: *Baehr Stephen*. The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia. P. 82.

⁷⁰ *Вильчковский С. Н.* Царское Село. С. 153.

НЕНАПИСАННОЕ «ПУТЕШЕСТВИЕ» РАДИЩЕВА

Елена Погосян

ОДНОЙ ИЗ ЯРКИХ ЧЕРТ русской культуры конца XVIII — начала XIX века было появление литератора нового типа — профессионального литератора, каким стремился быть, например, Карамзин, противопоставляя себя авторам-дилетантам.

Однако «дилетантизм» этой эпохи мог иметь принципиально разный характер. Так, особую по целому ряду признаков группу составляют авторы, для которых на первом плане всегда стояла служба, — они занимали высокие позиции в чиновной иерархии и оценивали свою деятельность именно с позиции «государственной пользы», как, например, Г. Р. Державин или И. И. Дмитриев. Не удивительно, что их взгляды во многом формировались в связи со сферой их профессиональных интересов.

А. Н. Радищев был, несомненно, человеком «государственным», чего не смогла разглядеть Екатерина II. Если его политические и эстетические предпочтения во многом изменились после 1790 г., то система представлений о роли, например, земледелия и торговли в развитии не только экономики России, но и в формировании национального характера и основных тенденций исторического развития страны, оставалась неизменной.

В кругу устойчивых тем, которые интересовали Радищева на протяжении всей его литературной деятельности, была тема неоднородности государственного пространства Российской империи и путей преодоления этой неоднородности и изолированности отдельных территорий империи посредством правильной организации земледелия и торговли.

«Сомнения нет, — писал, например, Радищев А. Р. Воронцову уже в 1787 г. о Поволжье, — что в малообитаемых провинциях, где проезжать изволили, было не мало трудностей. Чрез несколько лет сия ныне пустая почти страна конечно населится, и предпочтена будет суровой повологе, где мы живем. Земледелие размножит жителей, торговля изобилует, и сия умершая в народных повествованиях страна¹ паки процветет» (III, 328)².

Своеобразной формой реализации представлений о неоднородности империи в XVIII в. становится жанр «топографических описаний». Жанр этот имел свою особую специфику — он был формой осмысления чиновником своей территориально-административной служебной позиции. Аналогом топографического описания были дневники служебных путешественников и служебные письма, которые писались для выходящего лица по ходу путешествия или подавались ему по возвращении. Одним из ранних сохранившихся опытов такого рода были «диурналы» Матвея Жданова³. Они дают именно картину «освоения» пространства империи, в том числе идеологического освоения, и ориентированы во многом на поиск источников «государственной пользы». К этому же кругу сочинений, несомненно, следует отнести служебные письма и записки И. Н. Татищева и сочинения П. И. Рычкова. Особенно широко распространение топографические описания приобретают с середины 1770-х гг. «Описание губерний», — писал А. Л. Шапиро, — составлялись по всей России после губернской реформы 1775 г. Первыми представляли в Сенат краткие описания своих губерний московский и воронежский губернаторы. Рассмотрев в заседании от 1 ноября 1777 г. эти документы, Сенат высказал пожелание, чтобы и в других губерниях были собраны и обработаны соответствующие сведения (ПСЗ, № 1467)» (III, 591).

Радищев отдал дань этому роду литературной деятельности. Сохранились его наброски «Записки о податях Петербургской губернии» и «Описание Петербургской губернии», сделанные в 1786—1789 гг., возможно, по поручению А. Р. Воронцова (III, 590, 592)⁴. Еще ранее, в 1783 г. Радищев переводит с французского сочинение С. Н. Янова «Описание Тобольского наместничества». Янов, учившийся вместе с Радищевым в Пажеском корпусе и Лейпцигском университете, в 1782—1784 гг. служил в Тобольске. «По долгу службы, — указывает В. А. Западов, — он составил «Топографическое описание Тобольского наместничества», а в 1783 г. специально для начальника Радищева, президента Коммерц-коллегии графа А. Р. Воронцова — краткий очерк о Тобольском наместничестве»⁵. Именно к С. Н. Янову обращено и радищевское «Письмо другу, жительствующему в Тобольске» (сама идея составить описание

открытия памятника Петру в Петербурге для жителя Тобольска вводит тему протраженности империи).

С большой степенью вероятности можно предположить, что ряд популярных литературных тем конца XVIII в. был исходно осмыслен и сформулирован именно в произведениях этого рода. Среди них одно из центральных мест занимает тема освоения Сибири. Среди литературных сочинений Радищева этой теме посвящен лишь отрывок ненаписанной поэмы «Ермак», по которому судить о замысле произведения в целом практически невозможно. Можно лишь осторожно предположить, что описание Ангела тьмы, «отца мятежа, неустойства и суеверия», который «возлетел на вершину Уральского хребта», должно было привести повествование к неоднократно формулировавшейся Радищевым идее о том, что Сибирь есть место, не только наименее приспособленное к обитанию человека, но и почти всегда уродующее человека (падение Ангела тьмы именно в этом регионе нарушает исходно благоприятное состояние мира, созданного «на угоды» человеку, разрушает «чин натур») ⁶.

Прежде чем перейти к анализу сибирских дневников и писем Радищева, остановимся подробнее на уже упомянувшимся сочинении Янова, которое Радищев переводил. Сибирь в целом не вызывает у автора никаких теплых чувств. «Вот что я могу сказать о сем крае нашего отечества, — пишет он, — путешествие <...> будет всегда привлекательно для любопытного человека, но <...> пребывание, говоря по совести, не может быть приятно» (III, 142).

Янов отдельно описывает две большие группы населения — «дикие народы» (самослов, остяков и тунгусов) и «простой народ» и «крестьян» (то есть русское население, четкого разграничения между горожанами и крестьянами автор не проводит) (III, 134, 135—136).

Образ жизни «диких» жителей края «подобен житию человека, в первейшем состоянии находящегося. Пища их состоит из всяких зверей и рыб с малым примесом муки в похлебку⁷. Соль они совсем не знают. Ездят они на оленях, а жительствуют в шалашах или шатрах, сделанных из оленьих кож. Одежда их весьма легка в разуждении несносная стужи, которую они терпят шесть месяцев в году <...> повсеместная их страсть есть пьянство. <...> Они в сем случае не знают ни умеренности и не жалеют ни здоровья, ни имущества» (III, 136). Кроме того, подчеркнуты «странные обычаи» этих диких кочевников, их природная глупость («самоседы почитаются глупейшими»), то, что они «болезней не знают». Это описание, построенное, несомненно, на личных наблюдениях Янова, следует в то же время сложившейся традиции описания дикарей (в первую очередь американских), которая широко тиражировалась и в русской этнографической литературе конца XVIII в.

Вторая группа («простой народ») — люди, зачастую носящие «знания нравов своих на лбу или на носу». В Сибири «военнослужитель суть вымет из всего войска так, как жители суть вымет из народа других губерний» (III, 142). Правительство, как указывает Янов, «старается поддержать народ от <...> неправильных поступков, но мало надежды, чтобы в оном оно успело в скором времени» (III, 142).

Представления Радищева о Сибири, когда он отправился в ссылку, видимо, основывались во многом на сочинении Янова. Он ожидал не только столкнуться с Сибирью, описанной у Янова, но внимательно искал даже мельчайшие детали, попавшие в «Описание Тобольского наместничества»⁸.

А. Татарицев, специально посвятивший богатую фактами и точными наблюдениями книгу теме «Радищев в Сибири», писал об отношении автора «Путешествия из Петербурга в Москву» к этому краю: «Вообще о бедности и беззащитности местных жителей он сообщает не раз, нередко сравнивая их судьбу с положением русских крестьян и заключая, что она ничуть не лучше. Описанное в «Путешествии...» Радищев сравнивает с вновь увиденным»; «На протяжении всего пути и буквально во всем Радищев обнаруживает тот же ход и строй своих мыслей, что и в период работы над "Путешествием из Петербурга в Москву"»⁹.

Однако, основываясь на материале сибирских дневников и писем Радищева, можно говорить о том, что, с его точки зрения, существование людей в Сибири построено на иных, чем в России, основаниях (Сибирь Радищев последовательно отказывается именовать Россией). Это земля, «где и политическое положение, и нравственность жителей следует неизменно *положению естественности*; где подле дикости живет просвещение, подле зверства мягкосердие; где черты, пороки от ошибок и злость от остроумия отделяющая, теряются в неизмеримом земель пространстве и стуже за 30 градусов» (III, 356). В этом рассуждении, конечно же, прочитывается автобиографический подтекст — именно как желание прослыть остроумным сочинителем характеризовал свою цель Радищев, говоря об издании «Путешествия» на следствии: его остроумие показало Екатерине злостью, а ошибка — пороком. Но здесь же находим и важную характеристику Сибири: экстремальные климатические («стужа за 30 градусов») и пространственные («неизмеримое земель пространство») особенности исключают Сибирь из круга территорий, существование которых определяется не «естественностью», а иными (видимо, социальными), законами.

Поскольку естественное и социальное существование человека — это две хронологически разделенные фазы истории человечества, то Сибирь оказывается как бы отнесена в прошлое по сравнению с Рос-

сий: «Во многих отношениях здесь люди целым столетием отделены от великороссины» (III, 380)¹⁰. На эту особенность накладывается и то, что Сибирь удалена от центра империи: «чем дальше удаляются люди от центра страны, тем слабее они ощущают движущую их силу. В некоторых обстоятельствах они теряют даже способность чувствовать» (III, 413). То, что Радищев пытается увязать способность человека чувствовать с его пространственным отношением к столице как средоточию власти, еще раз демонстрирует особый характер позиции литераторов, чье творчество было во многом подчинено их служебной позиции. Условно можно говорить, видимо, об особом «административно-политическом» изводе сентиментализма, когда «чувство» осмысливается как чувство служебного или гражданского долга.

Изменение положения в Сибири, которое в первую очередь определено ее климатом, возможно, соответственно, только в случае перемены климата. В свою очередь перемена климата возможна, по мнению Радищева, только при одном условии. «Обработка земли, — пишет он, — смягчает климат страны» (III, 376). Но именно земледелие, вопреки плодородию почв и обширности земель, годных для обработки, в Сибири не прививается.

Уже Янов писал о том, что наличие большого количества плодородных земель вовсе не является фактором быстрого развития земледелия. «Сие пространство земель, — пишет он, — нетрудное оных разрабатывание суть, может быть, главная причина весьма приметной в народе склонности к лености, которая совокупно с пьянством, к которому он весьма пристрастился, нищим почти его сделали тогда, когда он все способы имеет быть богатым. Земли у него более, нежели ему нужно, а обрабатывает недовольно; паствы обширнейшия, а скота в соразмерности оных держит мало <...>. Множество лесу, а домы почти без крышек. О нем можно сказать, что лучше любит праздную леность, нежели трудолюбивый достаток. Слово «страда», означющее в их наречии жатву, довольно выражает отращение его к работе». Вместо традиционных для России форм земледелия в Сибири распространено, как указывает Янов, своего рода кочевое земледелие: крестьянин «по духу или трех жатвах оставляет свое поле и разрабатывает другое» (III, 134). Разрешением такой ситуации могло быть, видимо, запрещение переселяться для крестьян в районах, где существует излишек пахотных земель. Следующим же шагом в рассуждении могло быть утверждение о том, что в европейской России, где такого излишка нет, крепостное право не оправдано. Янов, однако, ограничивается лишь приведенными положениями.

В дневниках Радищева, которые он вел по пути в Илимск и обратно, состояние земледелия в Сибири описано в сходных категориях. Особен-

На этом фоне его внимание привлекают некоторые странности в поведении русского населения. Так, на праздник «все девки, бабы и мужики ходят со двора во двор и пьют пиво; ходили до утра и перепились допьяна. <...> Примечается охота и в диких наряжаться; сходство в сем нравов женщин в больших городах. Отменно, что наряды переменяют часто» (III, 254). Стремление русского населения рядиться в «диких» (хотя собственно «диких» Радищев еще не встречал) на этом этапе путешествия автор пытается объяснить проникновением городских обычаев в крестьянский быт. По той же модели построена, например, глава «Валдай» из «Путешествия из Петербурга в Москву», но укааний на пьянство и тараканов там нет.

Однако уже в Пермской губернии появляются совсем иные объяснения странного поведения русского населения. Так, Радищев говорит об успехах в земледелии русского населения Сибири, но относит их в прошлое: «В Пермской губернии все едят ситный хлеб и при худом урожае. Привычка древняя от *прежнего* изобилия» (III, 259). Резко снижается и уровень благосостояния по мере продвижения вглубь Сибири: «За Екатеринбург все избы кажутся черные или очень стары <...>. Народ в Сибири <...> бледен. Язвы. Ходят в лохмотьях» (III, 260).

На обратном пути дневник строится по той же схеме, только характеристики отчетливее и определено уже сложились в законченную концепцию. Так, недалеко от Илимска: «живут бедно; кажется, лень тому причиною. <...> питаются сборным хлебом от проезжающих <...>. Ничего не сеют, огородов почти нет» (III, 267). На следующей остановке: «Тут видно, сколько к бедности ведут леность, нерадение и другие тому подобные» (III, 268). «Пашни довольно. <...> Везде, где земель много, крестьяне пашут сколько хотят, и земли им никто не отводит», но при этом: «Хотя <...> пашен довольно, но из Канского возят хлеб, ибо пашут мало» (III, 270—271).

Только возле Красноярска «округа изобилует хлебом» (III, 271). Но уже чуть далее: «Пашенной земли <...> довольно, но они совсем пахать перестали <...>. Промыслы по сим станам есть, опричь соболей, но мало промышляют» (III, 272). Обратим внимание на то, что Радищев опять подчеркивает динамический характер описываемых им процессов (раньше пахали, теперь совсем перестали). Кроме заброшенных пашен, население Сибири отличается склонность к пьянству: «Пьют довольно в сей округе» (III, 272).

Изменения в существовании современного Радищеву населения Сибири описаны, с одной стороны, как процесс, сближающий быт «диких» жителей Сибири и русских поселенцев. Если в Казани можно наблюдать процессы цивилизации инородческого населения, то в Сиби-

ностью же его позиции является введение некоторой динамической характеристики: изменения, с которыми он сталкивается по мере движения вглубь Сибири, осмысляются им отчасти как отражение тех процессов, которые все отчетливее заметны по мере удаления от центра России.

Показательно, что Радищев в дневнике путешествия в Сибирь отмечает границу России «узнаванием» известной детали: «В Янгулове продавали одяла, за двойное теплое из степных лисьих хвостов б р. просили» (III, 253). Такое одяло фигурирует в «Февее» Екатерины II (как характерная деталь быта инородческого населения Сибири, наряду с оленьими упряжками) и в ее рассказе о воспитании Елизаветой Петровной маленького Павла (как нарек на варварские нравы Елизаветы). Именно здесь, на границе России — в Поволжье — Радищев и начинает свой дневник (запись об одяэле одна из первых)¹¹.

Дальнейшее повествование построено вокруг сопоставления быта коренного инородческого и русского населения. Казань в дневнике Радищева заменяет некоторое исходно благополучное пространство — здесь различные группы населения отличаются, но различия не имеют «стадиального», отражающего уровень развития, характера: «Татары, черемисы, чуваши селятся по увалам и долам, русские на горе. У чуваш и черемис избы черные, но воздух здоровее, нежели у русских в избах, ибо прямо с надворья. Они холод любят. Тараканов нет, но много блох. У татар избы белые, впереди камелек» (III, 253). В этнографических сочинениях конца XVIII в. тараканы при описании крестьянского быта имели значение не исконной черты, а «восточной», и отчасти связаны с (видимо, заимствованной же) азиатской склонностью к неопрятности и комфорту. Так, в записках академика Озерецковского находим следующую характеристику: «В некоторых домах старорусских обывателей развелись и ужасно размножились восточные тараканы, о которых хотя и пишут, что они при свете прячутся, однако там и днем по горницам бегают, может быть от великого их множества <...>. Хозяева чистых домов наблюдают великую опрятность, и покои свои томят умеренно; напротив того другие живут нечисто и с лишком нагревают свои горницы»¹².

Вернемся к Радищеву. Черемисы в его описании Поволжья «больше на русских похожи» (III, 254), «вотяки почти как русские, женаты многие на русских бабах. Избы уже белые у них. <...> Вотяки поют, едут, как русские ямщики» (III, 255). Все население занимается здесь сельским хозяйством, хотя иногда формы его достаточно примитивны: «Овинов не имеют, хлеб молотят сырой, а когда молоть, то сушат в печах» (III, 255). Показательно, что такую ситуацию — русификация и привлечение к земледелию (и то, и другое в точности соответствует официальному курсу) — Радищев описывает как недавнее достижение («уже»).

ри — одичания русского. С другой стороны, современное состояние русских поселенцев противопоставлено некоторому идеальному прошлому.

Идеальное прошлое освоения Сибири Радищев описывает в «Сокращенном повествовании о приобретении Сибири». Это сочинение было составлено им во время сибирской ссылки на основе известного труда академика Миллера. Радищев заимствует у Миллера фактический материал, концептуально же «Сокращенное повествование» продолжает основные линии его других сибирских сочинений. Освоение Сибири на раннем этапе видится Радищеву полной противоположностью тому, свидетелем чего он сам является: вместо отказа от земледелия, скотоводства и промыслов, лени и пьянства, он рисует картину хозяйственного процветания. «Присоединение к Российскому владению был плод усилия *частных* людей, *корыстолюбием* вождаемых. <...> Но здесь имел случай отдать справедливость народному характеру. Твердость в предприятиях, неутомимость в исполнении суть качества, отличающие народ Российский. <...> *предприимчивость* <...> есть и была первою причиною к успехам Россиян: ибо при самой тяготе ига чужестранного, сии качества в них не воздремали» — и «страна сия стала по малу населяться всеми, *ищущими прибытка*» (II, 147, 149). Естественные законы существования, которые в Сибири есть следствие экстремальных природных условий, были на раннем этапе колонизации практически преодолены: «Ничто *алчности* прибытка в Россиянах противиться не могло. Презирая все трудности и препятствия, *превозмогая самую естественность*» (II, 162) поселенцы осваивают новые территории. «Ермак и товарищи» добиваются успеха благодаря своей предприимчивости: «Неустранимость, расторопность, твердость в преследовании предприятия намерения были им свойственные качества» (II, 151). Отъятие государством условий, когда алчность частного человека (не социальная, но естественная стихия) оказывается противоположена географическим особенностям Сибири, ведет к быстрой деградации поселенцев: «А если бы <...> Строгановские преимущества не умалились, то селения их размножились бы до невероятности» (II, 149). Специально на вопросе о причинах упадка Сибири Радищев, видимо, намеревался остановиться во второй — ненаписанной — части сочинения.

Обратимся снова к дневнику Радищева. По мере продвижения в направлении к Поволжью автор отмечает изменение ситуации: «Плавного зрелища, старых и дряхлых обнищавших, становится гораздо меньше», «избы с трубами». Радищев полагает, что если прекратить разорения от начальства, то «благосостояние их будет лучше и лучше» (III, 277) — впервые речь заходит о том, что бедствия есть следствие не естественных, а социальных причин, именно при приближении к гра-

нице России. И наконец, Казань описана как мир культуры и торговли. «Ездил в Казань, — пишет Радищев, — Галиоты. Адмиралтейство на Казанке. Зилантов монастырь. Пороховые. Часовые. <...> Лодка с лимоном из Петербурга, с посудой глиною из Москвы» (III, 294).

Здесь, на Волге уже полностью работает логика, которая определяла ход повествования в «Путешествии из Петербурга в Москву»: общее неблагоприятное видится результатом социальной несправедливости. «Видел много больных оставших работников, не дают им пашпортов, много им притеснения. В Услопе видел, как работника били нещадно за то, что отлучился» (III, 296). Так же, как в «Путешествии», Радищев причисляет к явлениям социального происхождения и разврат в его национальных формах: «По низу бани, куда зовут плывущих <...>. В Юнгах много бань, где проезжие на судах парятся. Как *Valday*» (III, 297).

Таким образом, можно говорить о том, что в сочинениях Радищева, прямо или косвенно связанных с темой Сибири, отразились его представления об этой части Российской империи как существующей по особым законам, отличным от тех, которые определяют существование других территорий.

Дневники и письма Радищева сибирского периода позволяют предположить, что он рассматривал (или стремился рассматривать) свою ссылку как путешествие и планировал составить описание этого путешествия. «Мне кажется, — писал он А. Р. Воронцову, — что находясь в обыкновенном каком либо путешествии» (III, 345), и сравнивал свою ссылку с путешествием, которое Стерн называл «путешествие поневоле».

В дневнике многие записи построены как заметки на память, которые еще следует в будущем прописать (например: «Участь Селифонтова и пр.» (III, 273); «дорога вступает в Барабинскую степь. Для глаза путешествие по оной всегда... нет не токмо страшных утесов или навислых каменных расселин, но ниже малого пригорка» (III, 276); «Городничий... копия с моей книги» (III, 286)). Характер записей напоминает о логике построения ряда сочинений Радищева, в первую очередь «Путешествия из Петербурга в Москву», где автор берет отдельные происшествия, «случай» и строит на его основании суждение, имеющее универсальное значение, звучащее как общий закон: «В Братском ночевали у попа Ильи. <...> Кажется, он у прихожан в почтении. Так бы и должно. *О сем рассуждение*» (III, 269).

Главной задачей описания сибирского «путешествия» (и, видимо, «Путешествия из Петербурга в Москву») было создание правдивой картины состояния империи (функция которой подробно разъяснена Радищевым в «Спасской Полести»). Не случайно тема неискаженного взгляда на мир, которая поднималась в «Путешествии», становится ак-

туальной для него в сибирский период, при этом в ряде случаев он связывает ее именно с описаниями путешествий.

Так, еще в 1789 г. Радищев писал А. Р. Воронцову о том, что в «путешествиях обыкновенно бывает соединено «много правды и лжи» (III, 329). Уже из Сибири он пишет тому же Воронцову: «Время здесь моего пребывания, по возможности, стараются употребить в пользу приобретением *безпристрастных* о здешней стороне сведений. Если столь счастливы могу назваться, что в глазах вашего сиятельства почитаюсь *зрителем без очков*, то и ныне тшуся все *видеть обнаруженно, ни в микроскоп, ни в зрительную трубу*. Но, признаюсь, трудно уловлять истину, когда к достижению оной ведут одни только разногласные повествования» (III, 355—356). И продолжает ту же тему: «Перед глазами моими на стене прибитая генеральная карта России, в коей Сибирь занимает почти 3/4. <...> Но к сочинению таковой карты не исправниково искусство нужно, но *голова и глаза Палласа, Георги, Лепехина, да без очков*, и внимания не на одни цветки и травы» (III, 357; все перечисленные ученые — авторы наиболее значительных «путешествий», составленных в конце XVIII в.).

Таким образом, можно говорить, что в сочинениях Радищева сибирского периода мы находим сложившуюся систему представлений о Сибири. Сохранившиеся дневники и письма этого периода несут черты подготовительных материалов. Достоверное описание виденного во время путешествия — учитывая рассуждения в «Путешествии из Петербурга в Москву» о том, что монарх не способен по ряду объективных причин оценить реальное состояние дел в государстве в целом, — мыслится как одна из задач всякого «сына отечества». Свой взгляд на европейскую часть империи Радищев изложил в «Путешествии». Можно предположить, что описание поездки из Казани в Илимск должно было составить самостоятельное сочинение, совпадающее по жанру с «Путешествием из Петербурга в Москву» и дополняющее его концептуально.

В своем стремлении составить достоверные описания различных территорий Российской империи Радищев и Янов, видимо, следовали некой общей программе. Среди ближайшего окружения Радищева (его товарищей по Лейпцигу) этому жанру отдали дань Челищев и Зиновьев.

В последние годы творчество Радищева оказалось почти полностью за пределами интересов исследователей культуры и литературы XVIII в. Анализ «Путешествия из Петербурга в Москву» в контексте служебных и близких к ним по основной идеологической установке «путешествий», составленных как в кругу хорошо знакомых Радищеву авторов, так и за его пределами, представляется одним из актуальных направлений в изучении наследия самого непримиримого оппонента Екатерины II.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследователями высказывалось мнение, что в этих словах речь идет о последних путаневского бунта. Учитывая круг исторических интересов Радищева, можно предположить, что автор письма намекает на длительное татарское господство в Поволжье, последствия которого не были преодолены к XVIII в.

² Здесь и далее все ссылки на сочинения Радищева даются по изданию: *Радищев А. Н.* Полн. собр. соч.: В 3 т. М.: Л., 1938—1952, с указанием в тексте тома — римской, страницы — арабской цифрой; курсив в тексте тома — *Безунов Ю. К.* Новонайденное «Путешествие» по Русскому Северу начала XVIII века («Диурналы») и письма Матвея Жданова // XVIII век. СПб., 1991. Сб. 17. С. 221—248.

³ Почти одновременно с работой Радищева над описанием Петербургской губернии были изданы описания Ф. Туманского и И. Г. Георги (последний представлял Академию наук). С описанием Георги Радищев познакомился уже в ссылке. 24 марта 1792 г. он писал Воронцову: «Я только что получил описание Петербурга Георги. Этому писателю отдаю предпочтение перед Германом <...>. Георги, по крайней мере, лучше выполняет свою задачу <...> рассказывает же обо всем как человек, весь препратившийся в зрение и слух» (III, 434).

⁴ *Западов В. А.* [Комментарий] // *Радищев А. Н.* Сочинения. М., 1988. С. 641. Впервые на авторство Янова указал А. И. Старцев.

⁵ Так, например, в «Бове» Радищев пишет:

Воздохну на том я месте,
Где Ермак с своей дружиной,
Садясь в лодки, устремлялся
В ту страну ужасну, хладну (385).

Радищев, в отличие от ряда современных ему исследователей Сибири, с сочинениями которых он был хорошо знаком, полагал, что на территории Сибири никогда не было ни многонаселенного населения, ни развитых форм государственности. В «Кратком повествовании о приобретении Сибири» он писал: «Вероятно, что Сибирь никогда великого населения не имела, а менее того вероятно, чтоб процветали в ней великие области и государства, славящиеся просвещением, от многолюдного обшежития *пронсходящим*» (II, 153).

⁷ Отсутствие муки в рационе традиционно было признаком «первостепенного состояния» народа. И напротив, использование хлеба было первым шагом к цивилизации, за которым должно следовать усвоение навыков земледелия. Руссо видел в хлебе одновременно и орудие цивилизации, и орудие порабощения. Так, в «Рассуждении о науках и искусствах» он писал: «Александр, желая удержат людей ихтиофагов в зависимом от него положении, принудил их отказаться от рыбной ловли и питаться теми же продуктами, что и другие народы» (*Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. М., 1969. С. 12). Об этом же писал, например, в 1762 г. П. И. Рычков в «Топографии Оренбургской губернии»: «Некоторые из Киргизцев, а особливо ж те, кои посмышленнее и к моровству иссклонны, покуная в Оренбурге разные товары, у себя в орде торговать стали, да и хлеб (которого они прежде не употребляли, а довольствовались одним мясом и молоком) выменивать и в пишу зимой употреблять начали, из чего можно надеяться, что они со временем также могут быть, как и Башкиры, которые сначала не только хлебопашества и другой домашней экономии, но и домов себе не имели» (*Рычков П. И.* Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887. С. 101).

«ОБЩАЯ КАРТИНА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ» ВИКТОРА КОМЕРАСА

(К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ «РОССИКИ»)

Мария Неклюдова

* Так, например, Янов, мимоходом указывая, что «во всей Сибири пчелы не водятся», Радищев, возвращаясь из ссылки, специально подчеркивает, что за Екатеринбургом «уже держат пчел» (III, 286).

⁹ Татарищев А. Радищев в Сибири. М., 1997. С. 47, 51.

¹⁰ На этой же идее несинхронного развития разных территорий империи построен, например, один из эпизодов «Вступления» к «Бове», где Радищев мотивирует свое обращение к «старинной повести» и желание представить картину «мнений, нравов, обычаев» давней эпохи тем, что он

...в гости ездил

Во страны пустынные, дальные,

Во леса дремучи, темны,

Во ушелья — ко медведям (III, 382).

Зависимость сохранившихся отрывков «Бовы» от литературы путешествий была показана М. П. Алексеевым. Он пишет: «Что собственно задумывает Радищев? Описание странствования своего героя или воображаемое собственное путешествие по весьма обширным областям российского государства и прилегающих к нему стран?» — и продолжает: «Он как бы заново изучает карту российского государства и напоминает основные этапы в истории ее отдельных областей. <...> «Бова» Радищева — это прежде всего поэма-путешествие, философская поэма о современной ему России, о том, как создавалась российская держава» (Алексеев М. П. К истолкованию поэмы А. Н. Радищева «Бова» // Радищев. Статьи и материалы. Л., 1950. С. 163, 175).

¹¹ Татарищев считает, что первые записи были сделаны только в Перми (Татарищев А. Сибирские путевые записки А. Н. Радищева (вопросы хронологии и текстологии) // Проблемы литературы Сибири XVII—XX вв. Новосибирск, 1974. С. 43—55). В этом случае отнесение начала записок к моменту переправы через Волгу тем более показательно — именно Волга была для Радищева границей России.

¹² Путешествие ак. Н. Озерецковского по озерам Ладожскому, Онежскому и вокруг Ильмени. II издание. СПб., 1812. С. 505.

КНИГА ВИКТОРА КОМЕРАСА «Общая картина современной России и политическое положение этой империи в начале XIX века» (1802)¹ обычно привлекает внимание исследователей своим эпиграфом: «Санкт-Петербург — это окно, через которое Россия постоянно смотрит в Европу». Эта неточная цитата из «Писем о России» Франческо Альгаротти во многом определила взгляд на «Общую картину» как на возможный источник первого авторского примечания к «Медному Всаднику»². Между тем за рамками обсуждения остается другой важный аспект сочинения Комераса, а именно то, что оно является неотъемлемой частью европейской «Россики»³.

Двухтомный труд Виктора Комераса впервые увидел свет в 1802 году⁴. Он построен по принципу панорамного описания, где наблюдения из области физической географии России сочетаются с подробным отчетом о ее гражданском устройстве. Как отмечал один из современников, «сочинение такого рода должно основываться на уже опубликованных путешествиях и описаниях»⁵, однако в случае «Общей картины» речь идет не столько о заимствованиях, сколько о литературном творчестве: в книге — за исключением Вступления и Заключения — практически отсутствует оригинальный текст. Виктор Комерас, заменивший Лагарпа в качестве составителя «Краткой истории путешествий», не затруднял себя переписыванием чужих произведений, предпочитая монтировать их отдельные фрагменты. Этот факт не прошел незамеченным, и Фортиса де Пиль, которому принадлежит единственный отклик на «Общую картину», с полным основанием утверждал, что автору «не требовалось ни